

05-02
(N 15-16)
(Мам)
210
Марковские и другие

Шедевр 2-й категории

История создания фильма «Зеркало»

ческим воспоминанием". Поразительно, что это давнее ощущение неоплодотворенности меняющегося замысла не исчезло у автора даже на финишном отрезке многолетней работы: "Когда нам оставалось доснять всего 400 метров (13 минут) для того, чтобы завершить работу, фильма, по существу, еще не было".

Как ни странно, его не было и тогда, когда было снято все до последнего метра, и режиссер приступил к монтажу. Фильм не монтировался. Советатор сценария, киносценарист Александр Мишарин вспоминает: "Положение у нас было сложное, даже трагическое, потому что все было снято, просрочены все сроки, группа не получала премии, а картина не складывалась. Но вот Андрей придумал такую вещь (он был педант) — как в школе делается касса для букв, он сделал тканевую кассу с кармашками и разложил по кармашкам карточки: 32 названия эпизодов — "типография", "продажа сережек", "испанцы", "сеанс гипноза" и так далее. Мы занимались пасьянсом, раскладывая и перекладывая эти карточки, и каждый раз два — три эпизода оказывались лишними. Естественная последовательность не складывалась, образная цепочка каждый раз выкидывала несколько эпизодов, одно не вытекало из другого, не соединялось с другим... Путь не находился".

Добавлю: фильм пытались сложить не только мысленно, но и на монтажном столе. Было испробовано тринадцать (!) вариантов. Самых разных. Все мимо. Уже закрадывалось сомнение, что вообще фильм снят немыслимо. А на кинематографическом жаргоне это означает, что в процессе работы была допущена какая-то роковая и непоправимая ошибка. И лишь когда отчаявшиеся авторы испробовали еще один вариант — вынесли из глубины повествования документальный эпизод, где подросток, которого врач лечит от заболевания, произносит фразу "Я могу говорить", и поставили ее в качестве своеобразного эпиграфа к фильму, — все вдруг неожиданно встало на свои места. Отснятый материал стал фильмом.

ная метаморфоза. Фильм задумывался о матери, любовно увиденной глазами сына. Но уже на стадии режиссерского сценария участники его обсуждения с изумлением заметили, что линия сына начинает заметно теснить эту главную линию, забирает у нее все больший объем. Дальше — больше. Изначальная затея с интервью, которые должны были стать драматургическим фундаментом всего фильма, оказалась напрочь отброшенной. От предполагаемого "фундамента" не осталось ни малейшего следа. И не потому, что "не дали" (хотя, действительно, боялись). Увидели другие перспективы: "Нам очень нравилось, как работает Терехова, — признался позднее режиссер. — Мы понимали, что такая актриса могла бы выдержать гораздо большую нагрузку, чем та, которая была уготована ей существующим сценарием, и сожалели, что у нее так мало сцен. Тогда-то и явилась идея перетасовать эпизоды прошлого Автора с его настоящим. Терехова получила еще одну роль".

И сколько же подобных головоломных метаморфоз, неожиданных скачков в сторону, неизбежных легких изменений самой художественной идеи, увлекшей режиссера. На жажду совершенства, ювелирной точности каждого элемента формы, которая так отличала Тарковского. А разве это достижимо без активного поиска, без пробы самых разных вариантов? К тому же напомним еще раз, что в советском кино право что-либо кардинально менять по ходу работы принципиально оговаривалось с самого начала.

Принимая в расчет все вышеназванное, рискуя, однако, предположить, что главная причина столь разительных превращений фильма кроется все же в другом. Признаемся: творческий путь Тарковского не был лишен противоречий. И в процессе работы над фильмом "Зеркало" они проявились достаточно рельефно. Этот протяженный отрезок времени (практически семь лет) оказался для режиссера во многом переходным. Менялись его взгляды на советское общество, корректировались его представления об искусстве и природе кинематографа. Люди, окружавшие Тарковского, отмечали, что несколько иными стали ему видиться и задачи собственного творчества. Сойсас можно только гадать, на какой путь повернула бы эта напряженная внутренняя работа, творил этот режиссер в условиях свободного выбора. Ведь в его планах была и "Волшебная гора" Томаса Манна, и фильм о Достоевском, и экранизация "Идиота". И что уж совсем примечательно — солженицынский "Матренин двор". Но все сложилось так, что на исторической развилке, обозначенной "Зеркалом", Тарковский, вероятно, выбрал наиболее сложный и противоречивый маршрут.

Впрочем, вернемся к самой истории постановки. 17 апреля 1974 года наступает пора очередного сурового экзамена для съемочной группы: Тарковский снова показывает отснятый материал руководству объединения. Теперь уже в полном объеме. И на этот раз отношение к материалу у руководства и редакторской группы объединения более чем благожелательное. Есть локальные замечания, но общее настроение приподнято: у всех на глазах рождается нечто совершенно новое. На фоне этой всеобщей приятной взволнованности Тарковскому в обход всех производственных правил легко разрешили осуществить перезаписи. В общем, все шло, как по маслу, до определенной поры.

БУСОВУДЕНИЕ КИНОКАРТИНЫ "ЗЕРКАЛО" НА БЮРО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА КИНОСТУДИИ "МОСФИЛЬМ" 17.4.74. АЛОВ А.А. Объединение смотрело картину в таком издании впервые. После предшествующего варианта Творческое объединение разрешило по просьбе режиссера перезаписи в связи с тем, что в кинокартине многое было неясно, и отдельные реплики, шум, музыка должны были дополнить картину. Предшествующее обсуждение в ТО прошло под знаком того, что картина была единодушно признана талантливым произведением, которое поднимает глубокие моральные проблемы, рассматривает внутренний мир человека. Был высказан и целый ряд критических замечаний: 1) было указано на некоторую односторонность, узость кинокартины. Рассматривается мир небольшой группы людей, он обособлен. Хотелось бы более широкого рассматривания того, что идет рядом, жизни страны. 2) Вопросы элементарной понятности. Не столько понятности смысловой, а понятности разноплановых вещей (персонажи, чьи роли исполняют одни и те же актеры, сон-явь и так далее), что создает ощущение разрушенности повествования, выбивает из колеи. 3) Замечания по поводу отдельных эпизодов. Сомнения по поводу военного комплекса, сцены с военником. (В предыдущем варианте война выражалась несколько односторонне, само течение эпизода с военником было несколько непонятно. Сейчас Андрей Арсеньевич все прояснил.)

Говорили также об ощущении двойственности финала, некоторой затянутах картины, вызывал сомнения вопрос о необходимости появления финальной сцены с автомобилем, придающей более узкий план — разговора о себе. Объединение поддержало просьбу Тарковского о перезаписи с тем, чтобы картина стала яснее.

Сегодня мы увидели новую версию картины. Кое-что режиссером сокращено. Финал сейчас переснят. Творческое объединение не считало тогда кинокартину законченной, перезапись была разрешена как этап работы, не как ее завершение, с тем, чтобы появились отдельные недостающие реплики, шум, музыка, вносящие ясность.

РАЙЗМАН Ю.Я. Очень трудно высказаться сразу после просмотра, понять картину... Надо подумать. АРНИШТАМ Л.О. Смотрел кинокартину дважды. Тоже очень трудно говорить. В прошлый раз кинокартина меня необычайно взволновала, пронзала душу. Многое появлялось сложные (музыкальные) связи, ассоциации. Для меня, как для старого интеллигента, целый ряд вещей здесь близок и понятен — стихи Арсения Тарковского, музыкальные цитаты — целый сложный комплекс. Сегодня я пытаюсь встать на другую точку зрения. Мне не хотелось, чтобы эту картину не восприняла какая-то часть зрителей, особенно молодое поколение. Переделывать картину нельзя. Она остается той же, хотя — десять раз ее монтировали в разные стороны. Но надо, чтобы некоторое количество ребусов было разгадано: где мать, где жена — я воспринимал ее как некое единое лицо. Надо было найти простой прием, который бы эмоционально нам это прояснил. Если бы внутренне все это было понятно, эмоционально это действовало бы сильнее. Второй эмоциональный звук остается ребусом. По целому потоку ассоциаций это на меня действовало в прошлый раз, тогда я не думал.

Это настоящее произведение искусства. Но оно не должно стыдиться простоты. Через самые сложные вещи должна просвечивать простота. По мелочам: 1) мне очень не хотелось бы, чтобы Андрей оставил кусок с собой. В этом есть какая-то душевная нескромность. Надо бы к себе строгие. 2) я не люблю зарученным университетом, ни порнографии в нем нет, сделан он с высоких моральных позиций, из высоких, благородных побуждений. АРНИШТАМ Л.О. Очень чистый фильм. Не все понял с первого раза, кое-что раскусил, а не сердцем. Очевидно, потому, что наши с Тарковским судьбы, детские ощущения не совпадают. Это естественно. Картину можно подсократить немного, прояснить, но она такой и останется. И имеет полное право такой быть. ЧУХРАЙ Г.Н. Смотрел картину с чувством глубокого уважения к Тарковскому, к его таланту, к тому, что он выражает своим языком, работает в только ему присущей манере и тому подобном. Не все понял. Мы воспитаны на другой семантике. Не привыкли читать такие глубины, которые здесь заложены. Помню, что было много споров, сомнений о "Рублеве", но я не считал ни черта — что за споры относительно фильма, с каким интересом был воспринят фильм, какие глубокие вопросы задавали, чрезвычайно серьезно отнеслись к этой картине. Очевидно, что-то есть в творчестве Тарковского, что мне непонятно, а другим — да.

Трудно выступать потому, что непонятно, что за цель такого выступления. Когда мы разбираем профессионально слабые, идейно нулевые или чичинные картины — мы можем что-то советовать. Мне трудно что-либо советовать Тарковскому, я не все понимаю. Я бы мог сказать Андрею, что если он знает и действительно находит нужным прояснить некоторые вещи, то их надо прояснить. Но если это его принцип, если к этому он стремился — я ничего советовать ему не могу. Я присоединяюсь к той точке зрения, что мы можем иметь одну, хоть и непонятную, но талантливую, очень талантливую картину. Мне очень нравится игра актрисы, все время хочется смотреть на нее, нравится отдельные эпизоды, хотя и не все понятно. (...) Картина сделана мастером, и ее можно принимать или не принимать зрителю, но другой ее сделать нельзя — ничего ни убавить, ни прибавить дикторским текстом или аннотацией. Мы собирались здесь, обсуждая, но ведь дело не во мнениях, но в поступках. Может быть, прояснить правила игры? ХУЦИВ М.М. Дело не в том, что непонятно, что непонятно. Любое подлинное произведение искусства не может быть абсолютно понятно, должно таить в себе какой-то вопрос. Дело не в понятности, а в том, что сбивает с толку. Одним из таких моментов для меня являются две матери. Несомненно и художественный образ для меня не одно и то же. Я не должен спрашивать: о ком идет речь? Кто есть кто? Эти мелкие спотыкания очень мешают. Художник мог бы освободить нас от этого. Многие, что здесь говорили, справедливо. Никто не опровергает, что наше искусство

что все-таки не понял. Это очень сложно, и я не думаю, чтобы Андрей Арсеньевич ставил такую задачу. Но сложность материала, замысла картины такова, что ее просто, за 30 копеек, не поймешь.

Всегда в литературе, искусстве существуют вещи, которые нелегко воспринимать. Каска, Джойс, фильмы Рене. Если человек кому-то адресуется, то надо учитывать характер восприятия. Могла ли быть картина проще, яснее? Лев Оскарович Арнштам говорил о том, чтобы ввести прием, все объясняющий, но я не думаю, чтобы что-то можно было посоветовать, выбросить, переделывать. Ужасно жалко, что неподготовленный зритель многого не поймет, что такой своеобразный художник не будет воспринят. Хотелось бы узнать мнение Тарковского по этому поводу.

Предшествующая картина тоже не была простой по восприятию, но все время казалось, что ты на пути к истине, вот сейчас ты все поймешь. Здесь же есть опасность, что истина так и не будет постигнута. Боюсь, что судьба картины будет сложной. Фестиваль — не единственная же цель, которую ставил себе Тарковский.

ТАЛАНКИН И. В. Трудно говорить о картине такой сложной с первого раза. (...) Сложностей, которых не понять, я не усматриваю. Я только не понял взвешенную в воздухе над кроватью мать и некоторые другие детали.

Юлий Яковлевич верно говорил, что картину переделывать нельзя. Можно сократить, что-то прояснить, но смысл останется тот же.

Сделана картина людьми очень талантливыми. Сделана очень лично, через собственные личные восприятия, ощущения, жизнь. Естественно, что это не у всех вызовет резонанс. Кого-то картина не прояснит. По поводу судьбы картины. Среди 130 наших фильмов полное право имеет быть и такой фильм, потому что он талантливый, сделан талантливыми людьми. Можем позволить себе один непонятный фильм. Ни контролевыми, ни порнографии в нем нет, сделан он с высоких моральных позиций, из высоких, благородных побуждений.

АРНИШТАМ Л.О. Очень чистый фильм. Не все понял с первого раза, кое-что раскусил, а не сердцем. Очевидно, потому, что наши с Тарковским судьбы, детские ощущения не совпадают. Это естественно. Картину можно подсократить немного, прояснить, но она такой и останется. И имеет полное право такой быть.

ЧУХРАЙ Г.Н. Смотрел картину с чувством глубокого уважения к Тарковскому, к его таланту, к тому, что он выражает своим языком, работает в только ему присущей манере и тому подобном. Не все понял. Мы воспитаны на другой семантике. Не привыкли читать такие глубины, которые здесь заложены. Помню, что было много споров, сомнений о "Рублеве", но я не считал ни черта — что за споры относительно фильма, с каким интересом был воспринят фильм, какие глубокие вопросы задавали, чрезвычайно серьезно отнеслись к этой картине. Очевидно, что-то есть в творчестве Тарковского, что мне непонятно, а другим — да.

Трудно выступать потому, что непонятно, что за цель такого выступления. Когда мы разбираем профессионально слабые, идейно нулевые или чичинные картины — мы можем что-то советовать. Мне трудно что-либо советовать Тарковскому, я не все понимаю. Я бы мог сказать Андрею, что если он знает и действительно находит нужным прояснить некоторые вещи, то их надо прояснить. Но если это его принцип, если к этому он стремился — я ничего советовать ему не могу. Я присоединяюсь к той точке зрения, что мы можем иметь одну, хоть и непонятную, но талантливую, очень талантливую картину. Мне очень нравится игра актрисы, все время хочется смотреть на нее, нравится отдельные эпизоды, хотя и не все понятно. (...) Картина сделана мастером, и ее можно принимать или не принимать зрителю, но другой ее сделать нельзя — ничего ни убавить, ни прибавить дикторским текстом или аннотацией. Мы собирались здесь, обсуждая, но ведь дело не во мнениях, но в поступках. Может быть, прояснить правила игры?

ХУЦИВ М.М. Дело не в том, что непонятно, что непонятно. Любое подлинное произведение искусства не может быть абсолютно понятно, должно таить в себе какой-то вопрос. Дело не в понятности, а в том, что сбивает с толку. Одним из таких моментов для меня являются две матери. Несомненно и художественный образ для меня не одно и то же. Я не должен спрашивать: о ком идет речь? Кто есть кто? Эти мелкие спотыкания очень мешают. Художник мог бы освободить нас от этого. Многие, что здесь говорили, справедливо. Никто не опровергает, что наше искусство

ство массовое, но нельзя думать, что поймут все. Достаточно, что какая-то большая группа людей поймет картину и передаст другим свои ощущения.

Я не могу согласиться с кадром, где Андрей присутствует в фильме. Если здесь не А.Тарковский, то я трактую эти события шире, значительнее. Я художник, а не имья-фамилия. Я не хочу, чтобы эта картина была об Андрее, о том, что его отец ушел от матери. Это вопрос этический, вопрос очень тонкого ощущения и такта. Я тоже о себе в чем-то высокого, а в чем-то низкого мнения, но не хочу, чтобы вы об этом знали.

Я начинаю задавать себе вопросы в уровне исповеди. Отсюда начинаются вопросы о понятности и непонятности. Я бы хотел прояснить то глубокое содержание в картине, которое поведет зрителя по ее более глубокому ходу. Если я рассказываю свое личное, которое созвучно судьям другим, то это приобретает серьезное значение.

Если бы этот толчок в картине был (мне часто снится один и тот же сон), повести себя от истока, тогда значение картины было бы поднято выше, и она стала бы глубже.

ЧУХРАЙ Г.Н. Хочу дополнить Марлена, который заговорил об очень верных вещах. Мне тоже не понравились эти кадры (появление автора), действительно, это сужает смысл картины. Бывает картина-исповедь, но эта исповедь должна быть для всех. Но если мысль — я хочу быть счастливым — то это только о себе, для себя. Это сужает.

Нам казалось, что Тарковский говорит о вещах, которые для всех нас очень дороги, но в кадр в финале — моралите.

АРНИШТАМ Л.О. Не согласен с Таланкиным, что кадр с автором — мелочь. Любое лирическое произведение становится общим, потому что оно личное, но фотоприкладывает не надо. Фетовский стих очень согласен со всеми выступавшими, что картина имеет право на существование. Картина в высшей степени цельная, талантливая. В этом смысле мы должны иметь твердую позицию.

ЧУХРАЙ Г.Н. Один кадр может повернуть всю семантику не туда. Это же искусство.

КАРАСКИ Ю.Ю. Мне картина очень понравилась, смотрел с глубоким интересом, очень многие вещи меня глубоко тронули. (...) Картина Тарковского действительно очень сложная, своеобразная. Сила ее не в тех мыслях, которые в ней заложены. Картина Тарковского не будет понятна и близка огромному количеству людей в силу многих и сложных причин. Это плохо. Жалко, что такого большого художника, как Тарковский, не почувствуют многие, но это сейчас непоправимо. Я верю, что Андрей когда-нибудь сделает фильм, который будет не только очень талантливым, но и понятным. Тем не менее, картина Тарковского — очень важное, нужное, положительное произведение искусства. Грех бросать камень в произведение чистое, своеобразное, отмеченное подлинным талантом на фоне тех картин, которые мы делаем.

Картина полезна и нужна тем, что она движет наше искусство. Тонкое ощущение кинематографической формы, пластики, чувственных образов. Не знаю другого художника с такой верой в возможности экрана. Меня очень трогает ветер, который пронсится в фильме, какие-то едва заметные пылинки... Я очень люблю Рерберга во всех его картинах, но здесь он выше всего. Это очень чистое произведение, по ощущениям, мыслям, словам, благородное. Грех, что не все поймут. Впрочем, это вопрос. Духовное богатство народа создается разными путями.

О практической стороне вопроса. Тут верно говорили, в чем можно картине помочь. Если картину делать понятнее — она распылится. Вопрос в том, чтобы с самого начала задать неуместному зрителю историю игры. Найти такой способ дать понять зрителю, что он не найдет здесь сюжета. Здесь есть только намеки — эпизод о сном, слова о сне, если бы они были вначале... В целом, мне кажется, картина очень хороша.

По-видимому, после этого разговора руководство студии всерьез обеспокоилось ситуацией с картиной. И заключение самого Объединения по просмотренному черновому материалу оказалось жестким и неприемлемым.

УТВЕРЖДАЮ: Генеральный директор киностудии "Мосфильм" Н.СИЗОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ по кинофильму А.Тарковского "Зеркало" ("Белый день") Руководство IV Творческого объединения, просмотрев новый вариант фильма

"Зеркало" ("Белый день"), отмечает, что монтажные поправки и сокращения, сделанные по рекомендациям, высказанным художественным Советом объединения, пошли фильму на пользу.

Вместе с тем, проделанная работа не дала еще должного результата. Многие требования, высказанные объединением, а затем Бюро художественного Совета студии, к сожалению, остались нерешенными. По-прежнему все еще нуждаются в проработке и авторская мысль, и конструкция картины в целом, и ряд отдельных эпизодов.

Для завершения работы над фильмом руководством объединения считает необходимым проделать следующее:

1. Объединение рекомендует четко ограничить три основных пласта фильма — современная действительность, воспоминания, сны. В связи с тем, что одни и те же исполнители играют роли матери и жены, сына и отца, необходимо четко обозначить, что в данный момент возникает на экране.

2. По-прежнему вызывает возражения эпизод с военником. Задуман автором как героический, этот эпизод, однако, получился неточным по своему идейно-смысловому звучанию, так как он не выражает пафос и этику военных лет. Этот эпизод следовало бы либо заново переписать, либо редакционными изменениями — как текстовыми, так и монтажными — придать ему правильное звучание.

3. Война в картине показана односторонне и не соответствует замыслу, сформулированному самим режиссером в сценарии, где сказано, что в фильме будет "разговор об Отечественной войне, о ее освободительной миссии, о патриотизме советских людей". Рекомендуем группе претворить в жизнь этот режиссерский замысел. Для этой цели целесообразно было бы использовать дополнительный хроникально-документальный материал времен Отечественной войны. Из эпизода фронтовой хроники, имеющегося в картине, следует исключить натуралистические детали.

4. Фильму все еще не хватает широкого дыхания времени. Духовный мир героини недостаточно сопряжен с большой жизнью страны. В этой связи нам представляется крайне важным восстановление хроникального эпизода запуска стратостата, расширить хронику испанских событий, показать приезд в Советский Союз испанских детей и встречу их, а также перемальский парад 1939 года на Красной площади (это было запланировано в режиссерском сценарии).

5. В проработке нуждается игровая сцена с испанцами. Сейчас она неясная, ее связь с основным содержанием фильма непонятна.

6. Нам представляется нужным завершить эпизод с сережками уходом героини, который выразит ее неприятие благополучно-бытового существования в военные годы.

7. По-прежнему вызывает недоумение кадр с парящей в воздухе героиней. Он распыляет и неясен по смыслу своему. Этот кадр следовало бы исключить.

8. Появление автора в конце картины делает рассказанную в фильме историю жизни слишком частной. Этот план истории вызывает возражения не только по эстетическим, но и по этическим соображениям.

О.КАРАЕВ, директор творческого объединения

А.АЛОВ, В.НАУМОВ, художественные руководители объединения

Б.КРЕМНЕВ, главный редактор объединения

24 мая 1974 года

Трудно поверить, что подобные формулировки могли исходить от Александра Алова и Владимира Наумова, режиссера не однажды битых-перебитых. О нехватке "широкого дыхания времени" как-то привычно было слышать от демагогов киномитета. Впрочем, очень скоро настанет пора выслушать и их. "Зеркало" стали готовить к официальной сдаче Госкино.

Материал подготовил Валерий ФОМИН

Продолжение следует

* Суркова О. "Книга сопоставлений". М., "Киноцентр", 1991.

*** О Тарковском. М., "Прогресс", 1989.

**** Суркова О. "Книга сопоставлений".